

Дневник моего сердца
Diarium Cordis

Зинаида Пастернак

Воспоминания.
Письма

Издательство АСТ
Москва 2016

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
П19

Все права защищены.

Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

Идея серии *Юрий И. Крылов*
Предисловие *Елена Л. Пастернак*

Пастернак, Зинаида Николаевна
П19 Воспоминания. Письма / З.Н. Пастернак,
Б.Л. Пастернак. — Москва: Издательство АСТ,
2016. — 416 + [32 вкл.] с.: ил. — (*Дневник моего сердца /*
Diarium Cordis).

ISBN 978-5-17-097611-9

Воспоминания — те же письма, с той разницей, что письма пишут конкретному адресату (частному лицу), воспоминания же, письма к вечности, если угодно, к другому себе. К себе, которого, возможно, уже и нет вовсе.

Зинаида Пастернак, Нейгауз, по первому браку, подавала надежды как концертирующий пианист, и бог весть, как сложилась бы история ее, не будь прекрасной компании рядом, а именно Генриха Густавовича Нейгауза и Бориса Леонидовича Пастернака.

Спутник, как понятие, — наблюдающий за происходящим, но не принимающий участия. Тот, кто принимает участие, да и во многом определяет события — *спутница*.

Не станем определять синтентику образа Лары (прекрасной Лауры) из «Доктора Живаго», не станем констатировать любовную геометрию — она была и в романе, и в реальности. Суть этой книги — нежность интонаций и деликатность изложения. Эти буквы, слова, предложения врачуют нездоровое наше время, как доктор. Живой доктор.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-097611-9

© ООО «Издательство АСТ», 2016
© Пастернак Е.Л., предисловие,
комментарии, 2016
© З.Н. Пастернак, наследники, 2016
© Б.Л. Пастернак, наследники, 2016

Предисловие

Зинаида Николаевна Пастернак не хотела писать воспоминаний. Это нежелание было вполне органичным для ее характера — она была сдержанным, закрытым человеком и даже в домашних беседах весьма неохотно рассказывала о себе. До конца жизни все пережитое ею ощущалось отчетливо, как настоящее, и особенно отчетливой оставалась боль от множества потерь.

Она родилась в 1897 году в Петербурге, в семье военного инженера. Детей в семье было много, и воспитание они получили вполне традиционное; родители заботились в первую очередь об их здоровье и образовании. Душевной близости с отцом у маленькой Зины не было, а мать она восторженно обожала. Отца Зина лишилась рано; росла немного не такой, как все: с самого раннего детства была обособленна и «закрыта». Возможно, ее характер — женщины суровой и немногословной — сложился отчасти под влиянием строгого, неласкового детства, о котором она оставила весьма лаконичные воспоминания.

Предисловие

Те, кто знал Зину в молодости, отмечали совершенно особый тип ее красоты — она была на четверть итальянкой, но при ярко выраженной средиземноморской внешности ее стать и повадки были подчеркнута строгими, царственными, напроочь лишенными даже намека на кокетство.

Ее путь в музыку был простым, даже слишком простым, как может показаться из ее же воспоминаний; с шестнадцати лет девочка подыгрывала граммофонным пластинкам и делала это легко и весело, больше для развлечения старших сестер и их гостей. Влюбленный в нее двоюродный брат сразу же почувствовал, что за этим развлечением скрывается огромное дарование, и заставил Зину заниматься всерьез.

Невероятно строгая к себе, Зина не подозревала, что в ней дремлет настоящий музыкальный талант, как, впрочем, не собиралась и смиряться с заготовленной ей с детских лет ролью петербургской красавицы. Она, по-видимому, предчувствовала свою будущую судьбу с ее отречениями, служением и потерями. Тем не менее после первых же серьезных музыкальных уроков Зина ощутила, что открывшийся и признанный всеми и ею самой талант вытеснил все, что прежде составляло ее жизнь. Зина блестяще выдержала экзамены в консерваторию, которые принимал Феликс Blumenфельд.

Казалось, все развивается по слишком блестящему и слишком поспешному плану — целеустремленная, упорная в занятиях, она решает всю себя посвятить музыке. Изменившееся время этот план усложнило и направило Зину к совершенно иной судьбе. В середине 1917 года мать Зины, опасаясь

Воспоминания. Письма

за дочерей, принимает решение перевезти семью из военного Петрограда в тихий провинциальный Елисаветград.

Зина легко рассталась с Петербургом — она его не любила, несмотря на всю энергию и краски петербургской жизни начала двадцатого века. (В дальнейшем возвращалась в Ленинград вынужденно, не чувствуя этот город «своим».) Впрочем, она легко переносила любые перемены в жизни — подчиняясь обстоятельствам и сохраняя, как самое главное, свою внутреннюю цельность. В 1917 году Зина еще не дорожила ни воспоминаниями юности, ни домом, ни людьми, там оставленными.

Главным в новой елисаветградской жизни было продолжение музыкальных занятий. Елисаветград той поры славился своей музыкальной школой, которая имела репутацию лучшей в России. Основателями и преподавателями школы были Густав Вильгельмович и Ольга Михайловна Нейгаузы, родители Генриха Нейгауза. Сам же Генрих именно в те дни давал в Елисаветграде концерты.

Услышав его игру, Зина немедленно решила, что должна заниматься только с ним. «Я вернулась домой совершенно вне себя от счастья, что этот человек живет себе в Елисаветграде и такое вытворяет». Первая же их встреча решила все, но не в пользу музыки, как она с горечью вспоминала много лет спустя. Тем не менее Нейгауз согласился немного позаниматься с ней, ведь вскоре ему нужно было обратно в Тифлис, где он преподавал в консерватории. Через несколько месяцев он вернулся, занятия возобновились, но Гражданская война превратила тихий Елисаветград в поле военных действий.

Предисловие

Они решили уехать в Киев, где Нейгауз собирался концерттировать и преподавать в Киевской консерватории, а Зинаида Николаевна — продолжить свое музыкальное образование. Однако обстановка в Киеве времен Гражданской войны не способствовала этому. Тяжелая болезнь Зинаиды Николаевны решила все и сразу: «Нейгауз перевез меня к себе на Лютеранскую и трогательно ходил за мной всю болезнь. Поправившись, я стала все силы отдавать тому, чтобы сохранить в эти трудные времена жизнь и здоровье этого крупного музыканта... Большое чувство обязывало меня к большим жертвам, и в нем я черпала силы для жестокой жизненной борьбы». Несмотря на кажущуюся торжественность последних слов, как это бывает всегда, когда в зрелом возрасте женщина подводит итоги своей любви, жертва, принесенная Нейгаузу, была истинно велика — с этих пор она уже не говорила о продолжении консерваторского курса и никогда впоследствии не сетовала на погубленный талант. Ее предназначением стала забота о Нейгаузе. Все его концерты проходили при ее участии, она стала его ассистентом и в музыке, и в организации концертов, что в то тяжкое время было почти ежедневным подвигом. Самым сложным делом было не только приготовить зал, но даже достать рояль — для занятий, а иногда и для самого концерта.

Понимая, что талант Зинаиды Николаевны должен развиваться, Нейгауз приучил ее к ежевечерней игре в четыре руки. Она не могла бросить свою музыку. В тех их пристанищах, где можно было поместить рояль, они до утра играли в четыре руки всю консерваторскую программу. «Глядя на его руки, я усваивала больше, чем могла бы получить из объ-

Воспоминания. Письма

снений», — вспоминала она. Так и решилась ее музыкальная судьба — впоследствии на протяжении всей жизни, до последних дней она играла в четыре руки с кем-то из близких.

Во время короткой дружбы с Горовицем он был ее партнером. Сразу же оценив музыкальный талант Зины и опасаясь за ее дальнейшую судьбу, Горовиц просил ее не прерывать серьезной пианистической работы. Она в ответ удивлялась: а разве работа с Нейгаузом — это не служение музыке? И разве возможно всерьез думать о сцене и собственном имени в музыке, будучи женой Нейгауза? Влюбленный в нее Горовиц был для нее мальчишкой, так она и вспоминала о нем. В поздние годы любила рассказывать ученикам своего сына Станислава о том, что ей было интереснее слушать самого Горовица, чем играть с ним в четыре руки. Она все просила его сыграть сонату Листа. Смутившись, Горовиц ответил: «Я не люблю ее, она тихо кончается».

Так Нейгаузы прожили в Киеве до 1922 года. Сама Зинаида Николаевна говорила, что спасали ее только любовь, молодость и музыка. О голоде, войне, болезнях и утратах она рассказывать не любила, как будто понимала с ранних лет, что это стоит беречь в памяти, но не делиться с другими — впереди совершенный разлом жизни, и еще война, и еще потери.

Внешне три киевских года их жизни с Нейгаузом выглядели очень напряженно — ежедневные занятия с учениками, подготовка к концертам, организация концертов, переезды, поиски более или менее достойного инструмента, скудное хозяйство, пригодное только для того, чтобы не умереть с голоду, и ежевечерние фортепианные занятия вдвоем.

Предисловие

В 1922 году Нейгаузу предложили место в Московской консерватории. Это было удачей. После первых же концертов в Москве Нейгауз сделался бесспорным любимцем капризной московской публики, сразу оценившей особенный нейгаузовский звук. «Под его пальцами инструмент приобретал певучесть, эмоциональную выразительность и разнообразие тембров... Когда он играл Бетховена, перед взором слушателей возникали образы старой Вены, оживали черты гениального мастера, его великое бунтарство, любовь к жизни и вера в человека. Исполнение Шумана было проникнуто романтической страстностью его творческих грез... Откровением было и исполнение произведений Скрябина, когда звуки фортепиано, казалось, рождались не от удара молоточков по струнам, а возникали сами собой в воздушном пространстве», — вспоминали его коллеги о первых московских концертах. В Москве жизнь сразу переменялась. Помимо приехавших одновременно с Нейгаузами Блуменфельдов и Асмусов, появилось множество новых друзей, музыкантов и поклонников. Можно было не так ожесточенно бороться за жизнь и музыку, быт налажился, Нейгауз получил вполне заслуженные внимание и славу.

В 1925 году у Зинаиды Николаевны родился первый сын, Адриан. Она так тяжело рожала, что, едва очнувшись от мучений, на традиционный вопрос врачей, будет ли она рожать еще, из последних сил воскликнула: «Никогда!» Врачи засмеялись и предрекли ей скорую встречу в том же родильном доме имени Грауэрмана. Так и оказалось — через год она ждала второго ребенка. Как раз в это время она узнала от близкого ей человека об измене Нейгауза

и, что еще страшнее, о существовании второй семьи и маленькой дочери. От самоубийства спасла только мысль о детях — Адике и о втором, еще не родившемся. Во время беременностей она продолжала много играть по вечерам, не думая еще, что кто-то из детей станет музыкантом, просто не могла без этого. Чаще всего играла этюды Шопена, которые в голодные киевские вечера разучивала в четыре руки с Нейгаузом, скерцо и баллады.

В марте 1927 года родился их второй сын, Станислав. Зинаида Николаевна была великолепной матерью, ее серьезное, спокойное и сосредоточенное материнство стало спасением от горя и распада. Мальчики Нейгаузы были необыкновенны. Оба вызывающе красивы, в одинаковых костюмчиках с белыми бантами, старший похожий на отца, а младший — на мать, они росли под постоянным ее присмотром. «Два брата с Арбата» — так шутливо называл их отец, а за ним и многие близкие и даже воспитатели. Они обучались всему, что было необходимо, но Зинаида Николаевна ждала момента, когда пора будет сажать их за рояль. Когда им исполнилось пять и шесть лет, она часами просиживала с ними за роялем. Оба сопротивлялись. Однажды с усмешкой сказала подруге: «Вчера Гаррик занимался с мальчиками. В них стулья летели!» Младший был несомненно талантлив. Она понимала, что ей предстоит еще одна тяжкая многолетняя забота — сделать из него музыканта.

Так прошел конец двадцатых годов. Зинаида Николаевна была необыкновенно деятельна. Она растила детей, занималась с ними, не прекращая бесконечной заботы о Нейгаузе, и, оставаясь его помощником в работе, постепенно сделалась матерью

Предисловие

и ассистентом для всех троих. Внешне они выглядели блестяще. Об измене Нейгауза она не позволяла себе думать, но не думала и о себе самой, справедливо считая, что ее предназначение состоит только в служении семье, и судьба ее вполне сформировалась.

В круг обязанностей Зинаиды Николаевны входила и организация летнего отдыха. Она стремилась к тому, чтобы дети провели лето вдали от города, а Нейгауз мог ежедневно помногу заниматься. Летом 1930 года она сняла несколько дач в поселке Ирпень под Киевом для своей семьи и для семей общих друзей, в числе которых была и семья Б. Л. Пастернака. Надо сказать, что у Зинаиды Николаевны с детства была довольно острая интуиция, она всегда предчувствовала опасность и часто смело рисковала в откровенно опасных ситуациях, как будто знала, что в этом случае не произойдет ничего страшного. Но именно в этом случае с дачами, перевернувшем ход жизни практически всех, кто выехал тем летом в Ирпень, она почему-то сняла Пастернакам дачу подальше от своей. То, что случилось этим летом, многократно вспоминалось и публиковалось, легло в основу пастернаковского цикла «Второе рождение»:

Я просыпаюсь. Я объят
Открывшимся. Я на учете.
Я на земле, где вы живете,
И ваши тополя кипят.
Льет дождь. Да будет так же свят,
Как их невинная лавина...
Но я уж сплю наполовину,
Как только в раннем детстве спят.

«Вторая баллада»

Воспоминания. Письма

Пастернак полюбил жену своего друга, которого сам боготворил и в музыку которого был влюблен.

Удар, другой, пассаж, — и сразу
В шаров молочный ореол
Шопена траурная фраза
Вплывает, как больной орел.
Под ним — угар араукарий,
Но глух, как будто что обрел,
Обрывы донизу обшаря,
Недвижный Днепр, ночной Подол.

«Баллада»

Осенью, уже в Москве он без ведома Зинаиды Николаевны признался в этом Нейгаузу. Пережить это потрясение все его участники стремились наиболее достойно — рушились две семьи и в обеих были маленькие дети. Она решила уехать в Киев, взяла с собой своего любимца Адика и, как это часто бывает, положила на судьбу. Огромный натиск буквально всего музыкального Киева, обрушившегося на нее за то, что она бросает Нейгауза, выдержать было нелегко. Каждый, кто приходил к ней, был частью ее счастливой юности, прожитой с Нейгаузом в этом городе. Она намеренно поехала в Киев, а не в родной Ленинград, втайне надеясь, что любимые воспоминания вернут ее к прежней жизни и она забудет о приключившемся с ней. Оба — сначала Пастернак, а за ним Нейгауз — последовали за нею. После месяцев метаний она уехала с Пастернаком в Грузию и окончательно осталась с ним. Один из страшнейших периодов ее жизни, которого она вскользь касается в своих воспоминаниях, — первое время ее

Предисловие

жизни с Пастернаком. Детей забрал к себе Нейгауз, и она стала приходящей матерью для своих сыновей, каждое утро отправлялась к ним, одевала их, гуляла с ними, затем кормила, занималась, а вечером уходила. Дети, в первые годы их жизни никогда не разлучавшиеся с матерью, не осмеливались даже спросить о том, что случилось. Присутствовавший при этих расставаниях Нейгауз не говорил ни слова, Пастернак, окрыленный любовью, умолял ее не усложнять жизнь и надеяться на лучшее. Не только знаменитый жилищный кризис в Москве начала тридцатых годов был виной этих страшных месяцев, большинство близких оказывали сильнейшее давление на Зинаиду Николаевну и она со свойственной ей жертвенностью решила остаться с Нейгаузом, считая, что Пастернак тоже должен вернуться к оставленной семье. Но Пастернак был настойчив, и постепенно внешне все наладилось. Участники драмы попытались захватить другой жизнью.

И в жизни с Пастернаком Зинаида Николаевна оставалась прежней. Она родила третьего сына, Леонида, как всегда, действовала во имя своих близких, и ее повседневность снова стала служением им. Держать дом, растить маленького ребенка, заниматься со старшими, оберегать труд мужа — все это не менялось ни в благополучные времена, ни в тяжелые годы. Вечером, когда вся работа была выполнена, она садилась за рояль и возвращалась к музыке. «... Рихтер сыграет этюд или 4 скерцо, те самые, которые ты играла по возвращении с Кавказа, и все в такой грустной, вновь облагороженной живости встанет передо мной, что меня ослепит тоска, и мне так захочется, чтобы все было тобою и ничего чужого не

Воспоминания. Письма

было, и чтобы мне не мешали знать и помнить тебя и быть занятым только тобою. Милый ангел, целую тебя, вспоминаешь ли ты меня?» — пишет Пастернак жене в эвакуацию в одном из первых военных писем, через десять лет после женитьбы на Зинаиде Николаевне, вспоминая их первые дни в Москве.

Война принесла не только общие для всех тревогу, разлуку и обездоленность. Старший сын Зинаиды Николаевны Адриан еще до войны заболел костным туберкулезом. В военные годы болезнь приобрела мучительный, необратимый характер. Зинаида Николаевна знала, что ее сын неизлечим и никакое чудо не спасет его. Мучения Адика усугублялись тем, что его клиника была эвакуирована за Урал, в то время как семья жила в Чистополе, на Каме. Последние тяжелейшие месяцы жизни он все же провел в подмосковном туберкулезном санатории рядом с матерью. Невозможно и помыслить о том, как могла эта женщина выдержать подобное: «Мы вернулись в Переделкино, и тут моя жизнь стала гораздо труднее, чем в Чистополе. Приходилось заботиться о Стасике, который переехал в город в связи с очень серьезными занятиями в училище, через день я ездила к Адикку, снабжала его продуктами, а потом, возвращаясь в Переделкино, обслуживала Борю и Ленечку». Как же ей доставалось от московских гранд-дам и великих жен и вдов за это слово: «обслуживать», подходящее, по их мнению, для подавальщицы в литфондовой столовой! И какое счастье для них, что на их долю не выпало и крохотной части того бремени, которое молча и достойно несла она... О смертельной болезни любимого сына она догадалась сразу, за несколько лет до его гибели, и со страшным, присущим